

ВИКТОРИЯ ВИТУОРТ

ДОЧЬ ВОЛКА

ВИКТОРИЯ ВИТУОРТ

ДОЧЬ
ВОЛКА

В те далекие темные времена, когда в Англии шла жестокая борьба за престол и короли сменяли друг друга, Осберт, король Нортумбрии, решил заручиться поддержкой Рима. Он отправляет туда не придворного вельможу или священника, а своего телохранителя, бесстрашного воина Радмера из Донмута, прозванного за верность Волком Короля...

Но кому Радмер доверит свои земли — морские ворота королевства? Брат удалился в аббатство и ведет там привольную жизнь, племянник слишком ненадежен и беспечен, а мать стара и немощна... Юной Элфрун, дочери Волка, придется распрощаться с детскими забавами, чтобы взять на себя заботу о поместье и подданных. После вести о гибели отца девушка поймет: земли Донмута слишком лакомый кусок, а она слишком молода и красива, чтобы чувствовать себя в безопасности в мире, где правят мужчины. И только сердце подскажет, кто настоящий друг в той опасной игре, в которую ее втянули...

Когда же она опустила руки, то увидела вдалеке, на фоне неба и блестящего песка, человека, направлявшегося к ней, стройного и светловолосого...

Она застыла на месте, внезапно ощутив внутри такой ледяной холод, будто и она сама оказалась в морской бездне...

Это был незнакомец.

Она судорожно вздохнула.

Но откуда он может идти? Цепочка следов на мокром песке позади него уже терялась, размытая водой.

Элфрун выпрямилась и стала ждать, расправив плечи и с вызовом выставив вперед подборок. Когда до него оставалось шагов двадцать, она повелительным жестом подняла руку. К ее великому облегчению, он сразу остановился.

— Кто ты такой? — Сейчас голос был более высоким, чем обычно, но он вроде бы не дрожал. — И что ты делаешь на моей земле, непрошенный гость?

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3741-9

9 785991 037419

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1645-7

9 786171 216457

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ВИКТОРИЯ
ВИТУОРТ

ВОЧЬ ВОЛКА

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД КЛУБ
2017 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
В54

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Whitworth V. Daughter of the Wolf / Victoria Whitworth. —
London : Head of Zeus, 2016. — 512 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Наталья Острогорская*
Шрифтовое оформление обложки *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-1645-7 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3741-9 (Россия)
ISBN 978-1-784-97573-9 (англ.)

© Victoria Whitworth, 2016
© Shutterstock.com / kiuii-
kson, Fotoatelier, Fotokvad-
rat, Irina Braga, обложка,
2017
© Hemiro Ltd, издание на
русском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», пе-
ревод и художественное
оформление, 2017
© ООО «Книжный клуб
“Клуб семейного досу-
га”», г. Белгород, 2017

Посвящается Стелле, моей яркой звездочке

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Летопись, скрипторий¹ Йоркского кафедрального собора
25 марта 859 года. Праздник Благовещения*

Первый день нового года. Время, чтобы оглянуться назад и подвести какие-то итоги. Летописец изготавливал себе новое писчее перо — короткими точными движениями острейшего лезвия своего перочинного ножа срезал наискосок его кончик и затем расщепил его. Закончив, он одобрительно взглянул на результат своей работы, после чего окунул отточенное острие в небольшую плошку с чернилами из чернильных орешков, дал паре лишних капель стечь обратно в иссиня-черную лужицу и только после этого нанес первый штрих на чистый лист пергамента.

Вверх под наклоном. Снова вниз. Поперечная линия. Строго вверх. Вниз по кривой. Постепенно набирая скорость по мере того, как рука привыкала и приспособлялась к новому перу, к консистенции этой партии чернил, к слегка шершавой поверхности выделанной телячьей кожи.

DCCCLVIII от Рождества Христова. В этом году...

Его писчее перо было изготовлено из махового пера дикого серого гуся; даже в таком виде, когда оно стало оголенным и его приспособили для письма, рука чувствовала его упругую силу и надежность. Уже конец марта, и как раз сегодня утром он видел первую большую и угрюмую стаю этих птиц, снова возвращающихся на север, пролетая по хмурому небу Нортумбрии куда-то к неизвестным местам их летних жилищ. Сегодня был

¹ Скрипторий — мастерская рукописной книги, преимущественно в монастырях. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

подходящий день для новых начинаний. Годовщина первого отделения тьмы от света и день, когда на смену катастрофе падения Евы пришла благая весть — заветное «Аве»¹, услышанное Марией из уст ангела.

Вздыхнув, он снова опустил глаза на практически пустой лист. *В этом году...* Каким мощным было желание оставить какую-то веху, какую-то запись чернилами на пергаменте, словно следы шагов на песке. И сколько пройдет времени, прежде чем какая-нибудь небольшая волна, предвестница мощного прилива, перекатится через этот стол, эту комнату, эту большую церковь, смывая все следы?

Он задумался над событиями последнего года, над новостями, которые приносили сюда легаты и королевские посланники, приходившие по старым дорогам, а также купцы и моряки, приплывавшие к речным причалам Йорка, посреди которого, словно паук в центре своей паутины, высился кафедральный собор.

Пора снова макнуть перо в чернила. Рука застыла в воздухе — он колебался, сомневаясь, что из всего этого стоило того, чтобы о нем написать. Относительно некоторых событий принять решение было достаточно просто. Смахнуть лишнюю каплю чернил, небольшая засечка, штрих вниз с сильным нажимом...

В этом году умер король пиктов Киниод ап Алпин, а также король западных саксов Этельвульф Экгбертинг. Их троны наследовали Домналл ап Алпин и Этельвальд Этельвульфинг.

Топорная фраза: нужно было сначала продумать ее, а потом уж писать. Всегда с ним так — история всей его жизни. Ладно, ничего, смысл и так достаточно понятен.

Также в этот год язычники сожгли собор в Туре.

Он вытер кончик пера о клочок ткани и уставился на побеленную стену перед собой. Ему казалось, что очень небольшое стоило его труда, стоило быть записанным в летописи. Ну ко-

¹ Аве (Ave) — приветствие ангела, адресованное Марии (Аве, Мария — Ра-
дуйся, Мария), перед тем, как он сообщил ей, что она зачала сына. Обожа-
ющее загадки средневековое изображение, радостно отраженное в этой
фразе, противопоставляет ее Еве: благодаря Еве мы пали, благодаря силе
Марии мы искупили грехи. (Примеч. авт.)

го, скажите на милость, могут заинтересовать мелкие события, которыми для него был отмечен последний *annus domini*¹? В этот год девушка подарила мне цветок в мартовские календы². Лицо ее и грудь были покрыты веснушками. Глаза ее были голубыми — их вид по цвету напомнил мне яйца певчего дрозда.

А как насчет того, что не произошло? В этот год не было голода, не было мора скота. Язычники были где-то в других местах. Это все, конечно, уже само по себе было чудом.

Он ни разу не был в Туре, а теперь, вероятно, у него уже никогда не будет такой возможности.

Мелкие события, не стоящие того, чтобы о них писать. В этот год Ингельд, вопреки своим убеждениям, стал священником и получил назначение в аббатство в Донмуте.

Он провел мягким нетронутым кончиком пера у себя под тщательно выбритым подбородком и, улыбнувшись ласковому прикосновению, закрыл глаза, чтобы лучше представить себе сильную птицу, летящую на фоне солнца на север, в сторону страны света — Гипербореи³. Интересно, какой видится этим гусям Нортумбрия? Дельта реки — эстуарий, — давшая имя этой земле, целый веер притоков, холмы из мела, известняка и гравия, протянувшиеся на север и запад до самого моря, холодные северные воды, омывающие эту землю, территорию Дамбартона и владения пиктов. Как далеко на север доносило это податливое перо своего прежнего хозяина? Его воображение заблудилось и утонуло в ослепительном блеске снегов и солнца.

Он снова медленно открыл глаза, вернувшись в свой прозаический мир каллиграфического наклона и чернильницы из рога, писчего пера и ножа, побеленной стены напротив. Как здорово было бы улететь вместе с гусями! Увидеть зарождающиеся бури, места, где сосредотачиваются армии, гавани, где скрываются в засаде разбойники — «морские волки», а затем, устремившись вниз, подслушать изменнические речи заговорщиков,

¹ Год Господень (*лат.*).

² Календы — в древнеримском календаре название первого дня каждого месяца.

³ В сторону Гипербореи — вслед за северным ветром. (*Примеч. авт.*)

шепчущихся в коридорах и будуарах и думающих, что их никто не слышит. Чтобы вся Нортумбрия со всеми ее холмами и водными путями была как на ладони.

Он улыбнулся и покачал головой. Нет, это мечта для государственных мужей и воинов, людей вроде его брата. А он был бы более счастлив, если бы, поймав крыльями ветер и наслаждаясь изысканным восторгом такого момента, смог бы взглянуть на край света.

1

— До конца поля и обратно? — Атульф совсем запыхался — щеки порозовели, а из-под неровно подрезанной челки возбужденно блестели глаза.

Элфрун подумала, что сейчас он похож на одного из этих взъерошенных пони, которых он держал под уздцы и которым было жарко в своих ворсистых зимних пополах под весенним солнцем конца Пасхальной недели.

Она кивнула:

— Спешиться и вновь запрыгнуть на лошадь три раза, разворот у куста боярышника, потом снова финиш здесь. — Она сделала широкий жест рукой. — И я еду на Маре. — Она сразу предъявила права на их общую любимицу и, бросив быстрый взгляд на своего кузена, заметила, что тот начал хмуриться и тут же оттопырилась его мягкая нижняя губа.

— Давайте! — Двое других мальчиков, принявших вызов, уже подталкивали своих лошадок на стартовую позицию в нескольких ярдах от них.

Одного из них она даже немного знала, видела его на других весенних праздниках и праздниках урожая; только вот земли его отца находились в далеком Элмете¹, в нескольких днях пути от ее родного Донмута. Второй был незнакомцем: высокий парень

¹ Элмет — королевство бриттов в районе Лидса, которое просуществовало до XVII века; в наши дни это слово сохранилось в региональном справочнике в названиях таких населенных пунктов, как Шерберн-ин-Элмет и Барвик-ин-Элмет. (Примеч. авт.)

со спокойным лицом, на гнедой кобыле. Они подъехали всего несколько секунд назад, когда скачка только еще планировалась.

Интересно, даст ли Атульф волю своему гневу на глазах у этих чужаков? Элфрун внутренне сжалась, но все равно властным жестом взяла поводья Мары.

Однако кузен удивил ее.

— Как пожелаешь, — сказал он и потянул к себе второго пони, Эпл.

Но на самом деле смотрел он не на нее и даже не на своего маленького пони с толстым задом, которого теперь держал под уздцы. Взгляд его устремился куда-то дальше, мимо нее, и на его круглом лице вдруг появилось странное, оценивающее выражение.

— Давай же! — снова крикнул юноша из Элмета, и в тот же миг Элфрун вдруг решила для себя, что она даже не хочет знать, что такого увидел там Атульф.

Она развернула Мару, вскарабкалась ей на спину и, ударив ее пятками в бока, взвизгнула:

— Вперед!

Последовал сумасшедший, безудержный рывок, так что она едва успела пригнуться; она смогла дважды — а не трижды, как договаривались, но это уже было не важно, — спрыгнуть и вновь вскочить на спину Мары, прежде чем развернулась вокруг куста боярышника с молодыми зелеными листочками на ветках. Косы ее расплелись, и хотя она подоткнула свои юбки, они высвободились и теперь развевались, мешая ей. Все мысли вытеснил восторг этого ликующего момента, ее больше не волновали ни ушибленные ребра, ни другие всадники, ни хриплые крики грачей, доносившиеся из рощи вязов в конце поля, и уж точно ни какие-то там гримасы Атульфа. Возбужденная и забрызганная грязью, Элфрун пришла второй. А выиграл высокий парень на гнедой кобыле.

Выиграл, но совсем немного опередил ее — он сам это признал:

— Ты здорово держалась!

Она резко натянула поводья, едва не въехав на Маре в задок его лошади, и благодарно усмехнулась, слишком разгоряченная и запыхавшаяся, чтобы что-то ответить.

Может, она и не победила, но все же обогнала Атульфа. На этот раз это было сложнее, чем раньше, — и тем приятнее. Смахнув с глаз спутавшиеся пряди волос, Элфрун торжествующе сползла с потной спины Мары.

Перед ней стояла ее бабушка.

Абархильд ничего не сказала.

Ей это и не нужно было. Ее лицо в обрамлении опрятного белого покрывала было еще более строгим, чем обычно, а руки лежали одна поверх другой на серебряном с позолотой набалдашнике ее тернового посоха. Элфрун оценила дистанцию между нею и бабушкой: ей было прекрасно известно, как быстро и больно умеет та бить своей палкой. И как ее будут корить за то, что у Атульфа снова проблемы.

Молчание затянулось и становилось тягостным. Элфрун чувствовала, как горячая кровь разливается откуда-то из груди, отчего начинают гореть ее щеки и потеть ладони, сжимавшие поводья Мары; глухо стучащее сердце подбиралось к горлу, мешая дышать. Одна из лошадей громко и прерывисто пукнула, и Элфрун услышала сдавленное хихиканье у себя за спиной, но не посмела обернуться, чтобы посмотреть, кто смеялся, — Атульф или кто-то из чужих мальчиков.

Абархильд подняла свою палку, и Элфрун вся сжалась; но бабушка ее не ударила, а лишь указала ей — пока что.

— Атульф, забери это животное. А ты, — она ткнула посохом в Элфрун, — следуй за мной. — Она развернулась и заковыляла по полю в сторону видневшихся из-за ограды опорных столбов шатров Донмута с резными наконечниками, даже не удосужившись убедиться, выполняются ли ее приказания.

Элфрун не глядя сунула поводья Мары Атульфу.

— Ты знал. Ты видел, что она идет. — От возмущения у нее перехватило дыхание. — Мог бы предупредить.

Ее кузен только ухмыльнулся. С пылающим лицом и со слезами злости и унижения на глазах она отвернулась от него и поспешила за Абархильд.

Как только Элфрун догнала бабушку, та заговорила, сопровождая каждое свое слово сильным ударом посоха в землю:

— Тебе. Уже. Пятнадцать. Лет. — Она остановилась и обернулась к внучке; золотые кресты, вышитые на кромке ее покрывала, тускло поблескивали в лучах солнца. Галльский акцент Абархильд, сохранившийся даже после пятидесяти лет проживания в Нортумбрии, становился еще более заметным, когда она сердилась. — Что это было? Грех или просто глупость? — Ее водянистые глаза с розовыми веками прятались глубоко в складках старого морщинистого лица, но Элфрун знала, что они не упустят ничего. — Я уж думала, что ты сейчас покажешь всему свету свою голую задницу.

Элфрун, оправдываясь, похлопала себя по ягодицам:

— Все нет!

Но ее бабушка лишь покачала головой:

— Ты так ничего и не поняла. Только посмотри на себя, — еще один тычок корявой терновой клюкой, — как ты позоришься... При посторонних... — Она плотно сжала губы и шумно вдохнула через нос. — Тебе почти шестнадцать. *Pro Deo amur* — ради Божьей любви, Элфрун, где твое достоинство? Да еще и надела свое хорошее синее платье. И все это происходит в полях рядом с шатром короля! Нет, я определенно больше не хочу еще раз объяснять тебе все эти вещи.

Абархильд уставилась на внучку, пытаясь уловить какой-то признак того, что эти слова дошли до нее. На самом деле Элфрун была хорошей девочкой — Абархильд в этом не сомневалась. Впрочем, ее никогда не били как следует и не возлагали на нее какую-либо ответственность — а нужно было. Отец Элфрун всегда был слишком мягок по отношению к своему единственному выжившему ребенку, и с тех пор, как мать девочки умерла... *Ее испортили*, подумала она, разглядывая растрепанные волосы, заплетенные до этого в аккуратные косы, брызги грязи на широком лбу Элфрун, лихорадочный румянец на ее щеках — причем румянец этот, догадывалась Абархильд, был вызван возбуждением скачки, а вовсе не стыдом за содеянное. Губы ее снова плотно сжались.

Элфрун склонила голову и закусила губу, изо всех сил стараясь выглядеть раскаивающейся, однако в уголках ее рта пряталась улыбка.

Сдержав свой гнев, Абархильд развернулась и снова пошла вверх по склону, втыкая в траву свой посох и звеня связкой ключей на поясе. Элфрун пришлось поспешить, чтобы не отстать от нее.

Она прекрасно знала, что бабушка захочет увидеть признаки того, что ее мучают угрызения совести и что она раскаивается, прежде чем предложит примирение и простит ее провинности. Ей на самом деле было стыдно. Но в гораздо большей степени она была зла на Атульфа — за то, что он никак не предупредил ее. А ведь это было так просто — подмигнуть, слегка мотнуть головой... Она сжала кулаки так, что ногти ее впились в ладони. Она это ему еще припомнит!

Почему это Абархильд никогда не рассуждает о достоинстве *Атульфа*?

— Что это было? Ты что-то сказала, девочка?

— Прости, бабушка.

— Что? Не слышу!

— Прости! — На этот раз уже громче.

И где-то в глубине души она, помимо воли, вынуждена была признать, что с этим нужно согласиться. Абархильд была права: она теперь уже слишком взрослая для таких игр. Однако признание это, пусть даже лишь самой себе, воспринималось ею уже как предательство, как маленькая смерть.

— Я еще поговорю с тобой об этом позже, — раздраженно проворчала Абархильд. — Сейчас на это просто нет времени — тебя хочет видеть твой отец. — Она снова недовольно засопела, но уже не так громко. — Но только чистой и переодетой.

— Где?

А вот теперь Абархильд, взмахнув своей палкой, действительно ударила Элфрун, на этот раз по икре, а не по косточке на лодыжке, и это означало, что гнев бабушки уже пошел на убыль.

— Он должен предстать перед Осбертом. Ты подождешь вместе с ним, пока вас позовут.

— Перед королем? — Глаза Элфрун округлились от удивления. — А зачем?

— Скоро сама все узнаешь. Это касается лично тебя.

— Может, что-то не так с шерстью? Или с овчиной?

Донмут славился овечьими шкурами, их количеством, качеством, способом обработки, причем как с шерстью, так и без нее. Король и архиепископ полагались на них в этом, и в Йорке их изделия пользовались постоянным спросом у обработчиков кож. Возможно, торговля в Донмуте процветала благодаря шерсти — необработанной, сученой или тканой, — но овчина была ее гордостью и славой. Под руководством своей матери, а теперь Абархильд, Элфрун училась не только прясть и ткать, как и любая девочка, выросшая достаточно, чтобы держать веретено, но также освоила все этапы производства шерсти и пергамента, молока и сыра.

В свое время ее мать шутила, что слава Донмута балансирует на спине овцы.

Но зачем королю было призывать ее, если он хотел поговорить только о шкурах?

Она снова открыла было рот, но, взглянув на лицо бабушки, осеклась. К этому моменту они уже почти дошли до Донмута и стало видно скопление разноцветных полосатых шатров. Губы Абархильд были сжаты, а лоб нахмурен. И Элфрун поняла, что ее бабушка знает сейчас не больше ее самой.

2

Кожу на голове жгло от рывков бабушкиного гребня из оленьего рога с частыми зубцами, лицо и руки горели от жесткого льняного полотенца, и даже кончики пальцев болели — Абархильд срезала ей ногти. Потом она одевала ее, перечисляя, казалось, бесконечный список нарушенных ею правил поведения и ее плохих манер. Элфрун извивалась под неусыпным присмотром бабушки и любопытными взглядами членов их компании.

В особенности Сетрит. Старшей дочери управляющего поместьем Донмут, стюарда, поручили оттирать и чистить ее синее платье, и Элфрун до сих пор ощущала неловкость при воспоминании о хитром взгляде ее васильковых глаз, который

девушка то и дело переводила с брызг грязи на шерстяной ткани на саму Элфрун, беспокойно ерзавшую в своей льняной рубашке под монотонные причитания бабушки. Если бы это была другая девушка, ей было бы не так тяжело, но в присутствии ангельски красивой Сетрит Элфрун всегда ощущала себя угловатой и неопрятной. А что касается метких и злобных комментариев, то в этом Сетрит вообще не было равных.

У Элфрун практически не было времени еще раз задуматься над тем, зачем она могла понадобиться королю.

Бабушка подгоняла ее, словно заупрямившуюся овцу, пока они спешно шли к заполненной людьми площадке перед шатром короля, с такой скоростью, какую только позволяли развить на мокрой от росы траве ее тесные кожаные башмаки. К ее большому облегчению, отец был уже на месте и сидел на скамье прямо возле входа в королевские покои. В этом кроваво-красном плаще она узнала бы его в любой толпе. Подарок короля, полученный всего несколько дней тому назад, это была, несомненно, самая кричащая из его вещей; он носил ее поверх с виду обычной серой туники, мягкой и легкой, которую отличало отменное качество пряжи; это была последняя вещь, сотканная матерью Элфрун. Единственными блестящими предметами в его наряде были серебряные наконечники, оттягивавшие концы матерчатых завязок, которые удерживали плащ у него на плечах.

Но, как бы просто ни был он одет, в глазах своей дочери Радмер из Донмута блистал ярче всех витиевато разодетых глав кланов — тэнов — и всадников, которые вились вокруг королевского двора, словно стая ос, сияя кружевами и тесьмой с золотыми и серебряными нитями на плечах, запястьях, шее и даже на перевязи для меча, которую они носили и без меча.

Никакого оружия в присутствии короля, никакого оружия на праздниках Весны и Сбора урожая. Ставки здесь были слишком высоки: давняя междоусобица всегда была готова разгореться с новой силой. Нортумбрия находилась в состоянии хрупкого мира с того времени, когда Элфрун только начала ходить, однако она довольно часто слышала при дворе бросаемые

друг другу угрозы. Внутренние разногласия, вероятность изгнания, «морские волки» и военачальники Мерсии и Уэльса, Пикландии и Дамбартона... Кузену короля Элреду было запрещено появляться южнее реки Тис после его бунта семь лет назад. Она хорошо знала, что ходят упорные слухи относительно нелояльности престолу и чрезмерных амбициях многих из присутствующих здесь лиц. Но ей было тяжело серьезно воспринимать любые категорические утверждения такого толка. Пока ее отец на стороне короля, что может им угрожать?

Радмер жестом указал ей место на скамье рядом с собой. Он не улыбнулся, но и не нахмурился, и этого было достаточно, чтобы Элфрун испытала облегчение. Она знала, что, явись она сюда выпачканная и взъерошенная, ее встретили бы нахмуренные брови отца — а это хуже любых высказанных упреков, — и поэтому даже почувствовала некую смешанную с обидой благодарностью к старой женщине, топавшей сейчас рядом с ней.

Абархильд молча села на скамью — спина прямая, губы по-прежнему плотно сжаты.

— Мама. — Радмер склонил голову, и старуха кивнула в ответ; в свете весеннего солнца было видно, что в его белокурых волосах пока не так уж много седины.

Затем он взглянул на робко склоненную голову дочери с аккуратным пробором в темно-каштановых волосах.

— Дочь моя. — Она подошла и встала перед ним: руки согнуты в локтях, взгляд по-прежнему потуплен. — Король призвал меня, — тихо сказал он. — И сказал, что ты тоже должна прийти со мной. Это означает что-то хорошее для нас. — Радмер положил руки на колени. — Что ж, я сижу здесь уже некоторое время, и все еще приходится ждать. Из Кентербери приехали папские послы, легаты, и архиепископ Вульфхер вместе с ними. Но стюард Осберта сказал, что пригласит нас следующими, что бы там ни было. — Он протянул руку и слегка похлопал ее по плечу. — Как ты развлекалась сегодня? Не сидела же, надеюсь, в наших душевных шатрах в такую погоду?

Она подняла на него свои спокойные карие глаза, и он ободряюще улыбнулся ей.

Элфрун чувствовала, как бабушка буквально сверлит ее взглядом.

— Я наблюдала... наблюдала за Атульфом и лошадьми. Скачки. — Это все-таки была не полная ложь, даже если неприглядная правда как-то и просочилась в ее интонацию.

— Он победил?

Внезапно ей захотелось, чтобы отец видел, как она скакала. Радмер мог рассердиться — и рассердился бы *обязательно*, — но никто не мог бы оценить искусство верховой езды лучше его. А она знала, что была ничем не хуже Атульфа. И даже лучше его. То, как этот несчастный мальчишка рвал уздой губу Эппл...

— Он... я...

— Он выступил достойно, — пришла на помощь бабушка. — Другие мальчики были старше его. — Она бросила на Элфрун ничего не выражающий взгляд. — К тому же он ехал на Эппл, а не на Маре.

— Атульф... — задумчиво произнес отец. — Теперь, когда твой дядя Ингельд вернулся домой из Йорка, пора ему как следует взяться за этого парня. Многообещающий мальчик, но слишком долго был предоставлен сам себе.

— Его должны готовить для Святой Церкви. — Голос Абархильд звучал безучастно и непреклонно.

Элфрун уставилась на бабушку. Вялый нытик Атульф — и вдруг церковник?

Похоже, отец разделял ее недоумение.

— Этот слабак? Он годится для этого даже меньше, чем его отец.

Элфрун вся сжалась в ожидании взрыва возмущения. Но Абархильд только нахмурила свое морщинистое лицо, так что складки между ртом и подбородком стали еще более глубокими и жесткими.

— Ответственность за мальчика лежит на нас. Какой у нас выбор? Сделаешь его своим наследником?

— Пообещать ему нашу усадьбу? — Радмер так резко обернулся к матери, что Элфрун вздрогнула. — Этому избалованному отпрыску Ингельда? Нужно быть просто сумасшедшим.

— А почему нет? К кому перейдет Донмут после тебя?

— Не торопись меня хоронить, мама. — Радмер взглянул сначала на мать, потом на дочь, а затем посмотрел на королевский шатер. — Я пока что жив.

— Радмер! Не игнорируй моих слов. Ты должен что-то сделать для Атульфа.

— С чего бы это? — Голос отца был ровным, но в нем ощущалась твердость камня. — Это сын Ингельда. Вот пусть Ингельд и заботится о нем.

Абархильд тяжело поднялась на ноги и заковыляла прочь; поникшие плечи красноречивее любых слов говорили о ее несогласии с сыном.

Радмер нервно постучал пальцами по колену.

— Как будто я уже недостаточно сделал для Ингельда. — Он осклабился, обнажив белые и крепкие зубы, блеснувшие в серебристо-русой бороде, но его глаз не коснулась улыбка. — Садись, дочь, и поучись добродетелям верного слуги короля, глядя на меня.

— И что же это за добродетели?

Скамья стояла на неровной земле и слегка наклонилась, когда она на нее села.

Радмер фыркнул:

— Покорность. Терпение. Готовность выполнить любое желание короля. И никогда не следует задавать вопросов.

Все это очень напоминало обычные наставления Абархильд насчет того, что такое хорошая внучка, и Элфрун уже хотела сказать об этом, чтобы проверить, не вызовет ли это улыбку у отца. Но внимание Радмера уже привлекло что-то другое. Все его тело напряглось, как у волка, учувшего идущего по его следу охотника. Она проследила за его взглядом, устремленным на противоположную сторону тридцатифутовой поляны, служившей приемной перед шатром короля, но ничего особенного там не увидела.

Просто группа каких-то людей.

Но, продолжая смотреть, она поняла, что там возникает какое-то движение — словно зарождается небольшой песчаный

смерч, какие она часто видела на берегу ветренными днями. В следующий момент толпа разделилась надвое, давая пройти человеку крепкого телосложения, с блестящей на солнце лысиной, который решительно зашагал по траве в сторону шатра короля. Хотя шел незнакомец неторопливо и размеренно, он так и шарил глазами вокруг себя; Элфрун видела, как взгляд его скользил по лицам и вдруг застыл, упершись в ее отца. Но этот человек так и не остановился. Элфрун поняла, насколько он большой, только когда он оказался рядом с королевским стюардом: тот был высок, но незнакомец был выше его на полголовы и намного шире в плечах. На его бугристом насупленном лбу не хватало только пары рогов, чтобы его можно было принять за быка, стоящего на задних ногах. Она прижала ладонь к губам, чтобы сдержать хихиканье, которое могли счесть оскорбительным.

Стюард выслушал его, кивнул и нырнул за полог шатра.

Теперь Элфрун заметила, что ее отец был не единственным, кто напрягся и застыл при появлении незнакомца. Королевские прихлебатели зашевелились, начали поглядывать по сторонам и перегруппировываться. Люди шептались, слушали друг друга с озабоченными лицами, и постепенно, уже перестроившись, отходили подальше от места, откуда он появился. Но группка людей, из которой он вышел, по-прежнему была плотной, они держались вместе — все крепкие, с обветренными лицами. Было в их внешности и еще что-то общее, однако Элфрун не смогла бы сказать, что именно. Манера носить головной убор, узор тесьмы, то, как были подвязаны их штаны...

Наблюдая за тем, как они двигаются, как поворачиваются, она вдруг сообразила, что там были не только мужчины: среди них стояла затянутая в корсет женщина и высокий мальчик за ней, который держал под уздцы лошадь. Был бы он один, Элфрун не запомнила бы его: сами по себе мальчишки интереса для нее не представляли. Однако она мгновенно узнала его стройную гнедую кобылу, вспомнила возбуждение скачки и то, как даже в самые напряженные ее моменты этот всадник и его лошадь двигались как единое целое.

Юноша заметил, что она наблюдает за ним.

Их взгляды встретились, и он чуть поднял руку, узнав ее. Она выставила вперед подбородок, заставив себя выдержать его взгляд. Имеет же она право смотреть, разве нет? Даже Абархильд не может иметь ничего против того, чтобы она просто *смотрела*. Зачем тогда было приводить такую славную кобылу на сход, если ты не готов дать людям на нее посмотреть? Но, подумав об Абархильде, она все же покраснела и отвела глаза в сторону.

После того как бабушка ушла, эта маленькая кругленькая дама в платье из коричневой саржи оказалась здесь единственной женщиной, кроме самой Элфрун. Связана ли она каким-то родством с этим юношей и с тем большим лысым мужчиной? Парень был высоким и стройным, с рыжеватыми волосами; причем, как и она сама, он явно чувствовал себя тут не в своей тарелке.

Отец Элфрун по-прежнему напоминал каменное изваяние. Она заметила, что люди вокруг них с блестящими от возбуждения глазами перешептываются, поглядывая то на него, то на шатер. Огромный мужчина, человек-бык, по-прежнему ожидал у входа, но потом она увидела, как из шатра появилось несколько священников, за которыми вышел новый архиепископ, кузен короля. По-волчьи узкое лицо Вульфхера выражало недовольство и раздражение.

А затем в шатер пригласили того большого мужчину.

Значит, он был важной персоной. Достаточно важной, чтобы король прервал свою встречу с его преосвященством архиепископом Йоркским и иностранными гостями.

«И достаточно важной, — похолодев, подумала она, — чтобы король ради него не сдержал обещания, данное отцу. Он сказал, что следующим будет Радмер, но тут из ниоткуда появляется этот человек и ведет себя так, словно он здесь хозяин, и стюард беспрекословно ему подчиняется».

Абархильд, конечно, отругала бы ее за излишнее любопытство, но Элфрун прогнала все мысли о своей бабушке. Она должна была узнать, что тут происходит.

— Папа? — Он как будто не слышал ее. — Папа, а кто этот человек?

Об авторе

Виктория Витуорт — историк, автор бестселлеров «Похититель святых мощей» («The Bone Thief») и «Волчья яма для изменников» («The Traitors' Pit»). Работала преподавателем, экскурсоводом, натурщицей и учителем. В настоящее время проживает в Оркни (Шотландия), где все свое время посвящает написанию исторических романов.

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	107
Часть третья	245
Часть четвертая	374
Часть пятая	436
Эпилог	497
Историческая справка	499
Об авторе.....	509

Літературно-художнє видання

ВІТВОРТ Вікторія
Дочка Вовка
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 20.12.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ВИТУОРТ Виктория
Дочь Волка
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 10 000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Середина IX століття... Зовсім скоро Йорк занепаде, поневолений вікінгами... А тим часом король відправляє з таємним дорученням до Рима Радмера з Донмута, лорда прибережних земель Нортумбрії — суворого краю англосаксів і морських розбійників. Юній Елфрун після від'їзду батька доведеться взяти на себе піклування про маєток і підданців. Вона вбачає своє покликання в тому, що під силу не кожному чоловікові. Але в боротьбі за престол королівства багато-хто захоче заволодіти землями Донмута й серцем їхньої прекрасної господині... Елфрун доведеться стати принадою в королівській пастці!

Витуорт В.

В54 Дочь Волка : роман / Виктория Витуорт ; пер. с англ. И. Толока. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2017. — 512 с.

ISBN 978-617-12-1645-7 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3741-9 (Россия)

ISBN 978-1-784-97573-9 (англ.)

Середина IX века... Совсем скоро Йорк падет, захваченный викингами... А пока король отправляет с тайным поручением в Рим Радмера из Донмута, лорда прибрежных земель Нортумбрии — суворого края англосаксов и морских разбойников. Юной Элфрун после отъезда отца предстоит взвалить на свои плечи заботу о поместье и подданных. Она видит свое призвание в том, что под силу не всякому мужчине. Но в борьбе за престол королевства слишком многие захотят завладеть землями Донмута и сердцем их прекрасной хозяйки... Элфрун предстоит стать наживкой в королевской ловушке!

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)